

Сергей
Прокопьев

**КУПОЛА
В СОЛНЕЧНОМ
ПРОСТОРЕ**

РАССКАЗЫ

16+

Сергей Прокопьев

Купола в солнечном просторе

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Прокопьев С. Н.

Купола в солнечном просторе / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В книге Сергея Прокопьева «Купола в солнечном просторе» собраны рассказы писателя, написанные за последние два года. Это рассказы о людях с разными судьбами, но их объединяет одно – обращение к Богу. Герой рассказа «На это у меня своя диссертация» приходит к Богу в тюрьме. Музейщика Анну Николаевну («Бабушка и владыка») к вере подтолкнули две встречи: с ветхой старухой в далёком сибирском селе и архиепископом в Тобольске. Смерть матери приводит на первую исповедь Ангелину («Под Вербное Воскресенье»). Исполняя одну из главных заповедей Божиих – «Чти отца твоего и мать твою...», приезжает издалека на родные заброшенные могилки бабушки и дедушки Алевтина Валерьевна («Молния на зеркале»). А герой рассказа «Итак, она звалась Татьяной», исполняя заповедь, данную Иисусом Христом – «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», пытается вернуть к жизни заблудшую душу. Сложный путь к Богу у художницы из рассказа «Яблочный Спас».

© Прокопьев С. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Молния на зеркале	5
Итак, она звалась Татьяной	15
Рассказ Григория	15
Под Вербное Воскресенье	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Молния на зеркале

К бабушке с дедушкой на могилку Алевтина Валерьевна собиралась не один год. Путь не близкий, через полстраны. Ёкнет сердце: лето прошло, а я опять, поганка такая, не слетала. На будущий год кровь из носа надо... Но и будущее лето завершалось самокритичным «поганка такая»...

Сон приснился в последних числах мая. Не ночью, днём. Посчитала, среди дня приснился, чтобы не заспала. Прилегла после обеда и увидела бабушку. Та сидела на крыльце и вязала мохеровый шарф, точнее – псевдомохеровый. Окликнула внучку, закончился клубок пряжи, попросила принести из дома. Голенастая внучка (Алевтина Валерьевна) вприпрыжку преодолела высокое крыльцо, в два шага пробежала сенцы, толкнула тяжёлую, оббитую войлоком дверь, миновала кухню с русской печью, сунулась к комоду, в среднем ящике хранились клубки, и тут раздался треск. Она подняла голову. На зеркале, будто молния отпечаталась. Зеркало огромное, стояло оно когда-то в парадном зале с высокими потолками, начищенными паркетными полами, где устраивались балы, а танцующие пары, скользя мимо, видели своё отражение. Конструкция представляла из себя приземистую тумбочку с точёными толстыми ножками и двумя ящичками, к ней крепилась огромная рама с зеркалом. Как оно попало к бабушке, Алевтина Валерьевна не знала. Бабушка с гордостью говорила: купеческое. Надо полагать, до революции принадлежало купцу.

Зеркало едва не подпирало потолок их рублёного дома. Было единственной ценной вещью из мебели. Большой круглый стол, трёхдверный приземистый шкаф, стулья – всё ширпотреб, а зеркало... Рама с искусной резьбой была отделана перламутром. Богато смотрелось зеркало. И вот по его полю сверху до низу застывшей молнией легла трещина.

С этой картиной в глазах Алевтина Валерьевна проснулась. И сказала себе: дальше откладывать нельзя, надо лететь на могилку. Бабушка всю жизнь боялась увидеть во сне треснутое зеркало. Говорила: не к добру. Сама увидела всего один раз и то, можно сказать, к счастью. Сорок четвёртый год, война. Как рассказывала внучке, во сне звука разрываемого стекла не услышала, зашла в комнату, а по всему зеркалу змеится трещина. Проснулась в холодном поту, сердце бешено колотится, в голове: жди похоронку на Егора. Вечером, ещё было светло, стукнула калитка, она метнулась к окну в нехорошем предчувствии. Сердце обмануло – по двору шёл Егор на костылях. Он получил ранение, контузию, из госпиталя сообщать об этом не решился, думал, не примет жена искалеченного.

От бабушки не один раз слышала: замуж вышла не по любви. Говорила вроде бы искренне, но странная это была нелюбовь...

...Снижаясь, самолёт пролетел над широкой летней могучей рекой. Тайга подступала к самым берегам, будто опасалась, вода, почувствовав свободу, выплеснется, начнёт наступать, разливаться шире и шире, безжалостно заливая всё вокруг.

На автобусе Алевтина Валерьевна приехала на железнодорожный вокзал, как раз к поезду, ехать надо было ещё три часа. Всё складывалось удачно, шло по плану. Под стук колёс вспомнилось, она училась в выпускном десятом классе, возвращалась из краевого города с олимпиады по русскому языку. Конец января, мороз под сорок. В вагоне электрички с деревянными, жёлтым лаком покрытыми скамьями, ехала большую часть пути одна. Чтобы не замерзнуть ходила по проходу и пела в полный голос. Душу переполнял восторг. Сейчас и не вспомнит причину безудержной радости. Просто была юной, вся жизнь виделась прекрасной...

Вокзал городка детства недавно пережил капитальный ремонт. В интернете видела его фотографии. Не сказать, что понравилось интернетовские виды вокзала. Какой-то безликий. И наяву не вдохновил. Ну да ладно. На привокзальной площади стояло несколько такси. Выбрала выдавшие виды вишнёвые «жигули», у машины курил мужчина её возраста. Объяснила такси-

сту: ехать на кладбище за Солнечным посёлком, но вначале надо заскочить в хозяйственный магазин за краской и всем остальным, что нужно для покраски оградки и железных тумбочек памятников.

– Издалека приехали? – спросил таксист, повернув ключ зажигания.

Алевтина Валерьевна назвала город, водитель присвистнул.

– Мне ехать до кладбища двадцать минут, машина под задницей, а я второй год собираюсь оградку родителям покрасить. То работа, то ещё какая холера. Сейчас вообще у нас мафия, особенно на центральном кладбище. Оно давно закрыто. Те, кто заправляет там, присмотрят, никто не ходит на могилку, и продают место, копают могилу и хоронят. Человек приезжает, вот так же как вы, издалека, а его могилы нет. И на Солнечном, говорят, такие случаи были. Новое кладбище сделали далеко за городом, место неудобное – голое поле, общественный транспорт туда не ходит.

Алевтина Валерьевна читала в «Одноклассниках» о беспределе на кладбищах родного городка, махинациях со старыми могилами. Сердце ёкало, когда думала: вдруг могилки бабушки с дедушкой займут. Она пятнадцать лет не была у них. Дядя Боря умер девять лет назад. Кроме него ходить некому. Девять лет без присмотра могилы.

Алевтина Валерьевна попросила таксиста помочь ей выбрать краску, он с готовностью согласился. Кроме краски купила кисточку, перчатки, наждачку, маленький флакон растворителя, грабельки, ветошь, подумала – и купила ещё маленькую садовую лопатку.

Рассчитавшись с таксистом у кладбища, взяла у него визитку, договорились, окончив покраску, позвонит, чтобы отвёз на вокзал.

– Родственников нет? – спросил он.

– Уже нет.

У дяди Бори был сын. Никогда с ним не роднилась. Да и не знала, жив ли.

Она вышла из машины. Уже в десяти метрах от дороги стояли памятники. Ограды у кладбища не было.

Его заложили жители пригородного посёлка Солнечный в первой половине XX века. Давно посёлок слился с городом, кладбище стали активно заселять горожане. Было оно в неудобном для погоста месте. Большой высокий холм, поросший берёзами. Перед ним луг, который и принял первые могилы, а дальше кресты, памятники пошли по довольно крутому склону, забрались на обширную плоскую вершину.

К бабушке с дедом можно было идти с двух сторон, с западной – с луга, и с восточной – с холма. Шоссе полукольцом огибало холм, а потом взбиралось на него. Алевтина Валерьевна попросила таксиста остановиться на горе, снизу идти было дольше. Такси уехало, а ей предстояло выяснить то, чего больше всего боялась, затеявая поездку: а найдёт ли могилки? Не было на кладбище аллей, стройных рядов оградок, хоронили, как кому заблагорассудится. Никаких ориентиров Алевтина Валерьевна не помнила. Сначала с бабушкой ходила сюда, после её смерти – с дядей Борей, бабушкиным братом. Звонила ему на работу, договаривались, он вёз на мотоцикле. Городским транспортом было неудобно. Автобус останавливался в центре Солнечного, до кладбища идти километра три с половиной.

Алевтина Валерьевна достала из вместительной женской сумочки (весь её дорожный багаж) фотографию. Это был единственный путеводитель. По нему должна найти две металлические тумбочки, одна с крестом, другая со звёздочкой, стоящие за высокой оградкой. На снимке была хорошо видна соседняя могила. Дядя Боря специально так снял.

Алевтина Валерьевна ступила на тропинку, которая от шоссе пошла между могил под уклон, эта часть кладбища, судя по датам смерти на памятниках, заселена недавно. Дальше располагались могилы прошлого века. То и дело она оказывалась на участках, где оградки стояли впритык, два раза попадала в тупики, приходилось возвращаться обратно на тропинку. Никто за порядком на кладбище не следил – сторожки не было, мусор не вывозился. Вершина

холма изобиловала подъёмами, спусками, впадинами, в которых хоронить было нельзя, слишком низко, туда сваливали мусор. Одни могилы располагались выше, другие – ниже. Кажется, она исходила всё – бабушки с дедом не было.

Однажды в Казани подруга позвала на кладбище. Они в четыре руки красили оградку и скамейку, а мимо них раз да другой потерянно прошёл мужчина с букетом из шести шарообразных белых хризантем.

– Не можете найти могилу? – спросила подруга у мужчины.

– Не был десять лет, живу в Ульяновске, а здесь тётя похоронена.

– Если не найдёте, – посоветовала подруга, – можно положить цветы на любую могилу.

Бог знает, кому они предназначены. Не расстраивайтесь.

– Я должен найти.

Мужчина ушёл. Подруга спохватилась:

– Что ж я ему не сказала, пусть бы 50-й псалом почитал, помогает в поисках.

Алевтина Валерьевна стала читать 50-й псалом, потом «Отче наш».

«Ищу иголку в стогу сена», – подумала. Решила попробовать начать поиски с другой стороны холма, которая выходила на Солнечный, оттуда чаще с бабушкой, а потом с дядей Борей приходили. Дядя называл ей каждый раз ориентиры, связывая их с высоковольтной линией электропередач, что шла через Солнечный, одна опора стояла на краю кладбища. Дескать, пойдёшь без меня, встанешь там-то, проведёшь мысленно линию туда-то. Ничего она не помнила. Ни куда встать, ни куда смотреть. Ничегошеньки.

Ходила по холму с юга на север, захватывая всё новые и новые участки кладбища, ходила с запала на восток, ходила вдоль, ходила поперёк. Не было родных могил. Готова была сесть и разреветься.

И вдруг – да вот же они! Вот! Несколько раз проходила мимо, но с восточной, тыльной стороны. Ей бы раньше протиснуться между двумя оградками и сразу всё встало на свои места. Она шла, где удобнее. А тут, будто по наитию, боком-боком проскользнула... Посмотрела для убедительности на фото – всё правильно. Всё так же, как и пятнадцать, двадцать лет назад. Только калитки нет. Оградку перекосило через год, как поставили, дядя Боря снял калитку, прислонил к оградке изнутри. Странно, если бы калитка всё так же стояла. «Металлоискатели» по всей стране промышляют на кладбищах.

– Здравствуйте, родные! – сказала Алевтина Валерьевна, положив одну руку на один, вторую на другой памятники. – Долго я к вам, родные мои, ехала, ох, долго. Простите...

Могилы стояли среди берёз, наверно, поэтому зарослей травы в рост человека не было. Вольготно себя чувствовал ирис, его ещё бабушка сажала, толстый слой бурой слежавшейся листвы накопился за долгие годы на могилах, вокруг них. Алевтина Валерьевна достала из пакета грабельки, из сумочки синий халат. Единственное, что везла из дома – халат, решила – вдруг не купит на месте. Начала убирать листву. Памятники дядя Боря сварил из железа, незамысловатые, по-хорошему, заменить бы надо... Зато таблички из нержавеющей стали, искусной рукой гравёра выведены надписи: «Егор Филиппович Носов», «Авдотья Ильинична Носова». И годы жизни. Дядя при ней крепил таблички.

– На века! – сказал.

Она росла у бабушки и деда. Отца не знала. Раньше о таких детях говорили: мать нагуляла. Как это произошло, осталось семейной тайной. Спрашивала несколько раз бабушку, у той сразу портилось настроение, недовольно отмахивалась: «Ни к чему тебе это! Ни к чему!» Через год после её рождения мать вышла замуж, отчиму чужая дочь не больно пришлась ко двору. Бабушка забрала внучку к себе.

Дом бабушки и деда ещё стоял. Таксист, хотя ничего не говорила, не просила, провёз мимо. Почерневший от времени пятистенок, мощные ворота. Столбы из толстого листовика. Дед говорил: «Они всех нас переживут». Деда с бабушкой пережили.

В какой-то момент посетит её на кладбище мысль – на обратной дороге попросить таксиста остановиться у дома, постоять рядом, может даже попросить разрешения у хозяев зайти внутрь. Но подумает и решит: ни к чему.

Деда призвали на фронт летом сорок первого. Отправили для начала в Тюмень, в артиллерийское училище. У Алевтины Валерьевны хранится фото: дед в форме, тогда ещё погон не было, рядом бабушка, голова повязана платочком. Он сообщил жене – скоро отправят на передовую, она тут же сорвалась и поехала почти за две тысячи километров. Двое суток добиралась. На память о войне у деда остался осколок в тазобедренной части. Ходил сильно прихрамывая. Ногу время от времени одолевала такая боль, что зубами скрипел... Боролся с нею домашним способом: печку раскочегарит, откроет дверцу, оголит бедро... Подставлял едва не вплотную к жаром дышащей топке... Казалось – сейчас нога вспыхнет, пламя выскочит, лизнёт кожу... Нога прогревалась, боль делалась тише, отступала. Дед обессиленно ложился на кровать, укрывался одеялом...

Что дед, что бабушка были страшно упрямыми, не уступчивыми. В её детской памяти запечатлелись две сцены. Из-за чего возник спор в тот раз, трудно сказать, врезалась в память кульминация ссоры. Бабушка сорвала со стены висевшие на гвозде счёты и бросилась за дедом. Были в доме большие счёты (и дед, и бабушка работали по бухгалтерской части), ими вознамерилась достать супруга, огреть от всей души. Дед хромой-хромой, но припустил, понимая, угроза нешуточная, жена в гневе – огонь, приласкает счётным аппаратом, мало не покажется. Посреди комнаты стоял круглый стол на четырёх ножках, вокруг него развернулась погоня. Алевтина Валерьевна делала уроки за столом, поспешно нырнула под него, как только ссора перешла в стадию рукоприкладства. Было смешно смотреть на мелькающие ноги деда и бабушки. Затем раздался удар, бабушка всё же приласкала оппонента, костяшки весело запрыгали по широкому плахам пола.

Дед потом ремонтировал счёты и ворчал:

– Синяк во всё плечо, ещё и делай ей!

Второй случай произошёл за завтраком. Накануне дед с бабушкой ходили в гости. Дед, похоже, неподобающим образом вёл себя на людях, бабушке не понравилось поведение благоверного. Лишнего ли перебрал или другим образом отличился... Бабушка отчитывает провинившегося, выговаривает, он ни слова в ответ, с хмурым видом занят своим делом, нацелился яйцо куриное, сваренное всмятку, употребить. В одной руке яйцо, во второй чайная ложечка, черпать содержимое диетического продукта. Бабушка мыла посуду в закутке у печки, одновременно высказывая претензии супругу. Закончив нравоучительный монолог, принялась в раздражении давать поручения ему, сделать по дому то-то и то-то.

На что дед не смолчал. Обиженно пробурчал, дескать, раз такой он плохой, хуже всех, поищи-ка ты хороших, пусть хорошие тебе делают. У бабушки в руке была мокрая тряпка, развернулась к деду лицом и тряпкой со всего плеча. Попала деду по руке, яйцо вылетело, как из пращи пущенное, и врезалось в стену, желток поплыл по извёстке.

На кладбище одолевали комары, благо, послушалась таксиста и купила мазь. Иначе бы разукрасили её кровососы волдырями. Весёлое дело, лететь в самолёте с лицом, живописно покрытым шишками. Кожа была чувствительной на укусы. Да и красить не дали бы, роem выются...

– Купите обязательно, – настоятельно порекомендовал таксист, – нынче комары живьём едят, лютуют со страшной силой. В прошлом году такого не было...

Как только мазь переставала действовать, снова доставала тубик. День был солнечным, но здесь под густой листвой берёз жара не ощущалась. Она прошлась наждачкой по памятникам, оградке, убрала старую краску в тех местах, где она шелушилась, зачистила участки с ржавчиной. Потом открыла баночку с краской. В магазине, выбирая цвет, вспомнила, бабушка

любила синий. Крыльцо красила светло-коричневой, что и пол в доме, на входную дверь припасала синюю. Алевтина Валерьевна тщательно размешала краску и нанесла первую полосу на бабушкин памятник. На краске заиграл солнечный луч...

Жили они с бабушкой от пенсии до пенсии. Мать помогала редко. Из одежды что-нибудь подкинет. Алевтине Валерьевне было лет четырнадцать, когда бабушка вышла на этот бизнес – мохеровые шарфы. Они считались высшим шиком у молодёжи. Парни обматывали шею, девушки могли носить вместо платка. И у взрослых шарфы были брендом. Имелись они трёх видов – шотландские, исландские и индийские. И те, и другие, и третьи – дефицит из дефицитов, в магазине не купишь. Но голь на выдумки хитра. Кто разработал технологию мохера без мохера теперь уже и не скажешь. Шерсти не требовалось ни грамма. Ну, не единого. Сырьё для производства мохера в домашних условиях шло с фабрики игрушек. Городок районного масштаба, порядка ста тысяч населения, отличался развитой местной промышленностью. Политику советского государства в этом вопросе ошибочной не назовёшь: города должны обеспечивать себя по максимуму натуральными продуктами: молокозавод, хлебозавод, кондитерская фабрика, птицефабрика, мясокомбинат, макаронная фабрика и так далее. Фабрика игрушек тоже имелась. На прилавки магазинов она среди всего прочего поставляла куклу Мальвину с голубыми волосами, льва с огненно-рыжей гривой, клоуна, тоже рыжеволосого. Волосы и гривы делались из капроновой нити, которая шла на производство мохеровых шарфов.

Оборотистые работники Игрушки, так именовалась в народе фабрика, приносили бабушке нитки. Не за даром, само собой. Тоже бизнес. Нитки поставляли, как цветные, что шли на Мальвин и львов с клоунами, так и белые, в основном были – белые. И опять же тонкость, не сами нитки шли на изготовление шарфов, для этого слишком тонкие были, из них делалась пряжа. Нитки на Игрушку поступали в бобинах. Бабушка разрезала бритвочкой бобину, получала гору капроновых ниточек сантиметров по двадцать пять длиной, складывала их в марлю и красила. Например, в красный цвет, или – в синий, бордовый, зелёный. Цвета яркие, сочные. Затем бабушка брала проволочную щётку и чесала «шерсть», точно так же, как чешут овечью. Получала кудель, которую привязывала к прялке, затем брала веретено и пошло дело. Ещё и пошутит:

Пряла моя Дуня ни тонко, ни толсто.
Дуня наша Дуня, Дуня-тонкопряха!

Потолще полена, потоньше оглобли.
Дуня наша, Дуня, Дуня-тонкопряха!

Шарфы бабушка вязала спицами. Алевтина Валерьевна тоже вязала, но мало, пропадала в школе – уроки, кружки, секции. Бабушка не ограничивала во внеурочных занятиях: «Меньше собак на улице гонять будешь. Сама в свободное от домашних дел время за неделю четыре, а то и пять шарфов успевала связать. В субботу-воскресенье несла на рынок. Шли шарфы в зимний сезон бойко. Основная торовля – с октября по март. В другое время бабушка с ними на базар и не ходила.

Шарфы здорово выручали. Большое подспорье для их скудного бюджета. Бабушка получала пенсию пятьдесят один рубль тридцать шесть копеек, шарфы продавала по сорок-пятьдесят рублей га штуку.

Эпопея с шарфами пришлась на период, когда Алевтина Валерьевна училась в старших классах, это уже после смерти деда.

Алевтина Валерьевна докрасила памятник деда. Хорошо получилось. Угадали с краской. Таксист сказал, пусть не беспокоится – долговечная. Звёздочку тоже выкрасила в синий цвет. Бабушка, потом дядя Боря красили в красный. Подбежала собака, судя по масти, в ней отдалённо присутствовала кровь овчарки, но очень отдалённо, посмотрела просящим взглядом. В сумке было печенье, но снимать перчатки, лезть в сумку не хотелось. «Извини, – сказала собаке, – тороплюсь». Собака извинила и засемила между могил. Алевтина Валерьевна начала красить бабушкин памятник.

Бабушка была сдержанной на похвалу, ласку. Сама в детстве её не знала, может, поэтому. В начальной школе за одноклассниками Алевтины Валерьевны приходили родители, хвалили, гладили по голове. Она этого почти не знала. Не помнила, чтобы её баловали, сажали на колени, брали на руки. Такого в семье не было. Редко дед руку на голову положит, потреплет. Это когда она из-за чего-нибудь расплачется.

– Ладно, Аля, – скажет, – стоит ли из-за такой ерунды убиваться.

Рука у деда была большая, с длинными пальцами и гладкая.

Пожалуй, единственный раз, когда на бабушку нахлынули эмоции – смерть деда. Он лёг в больницу. Ничего не предвещало беды. Алевтина Валерьевна училась в пятом классе. В тот день договорились с бабушкой ехать к деду по отдельности. После уроков прямо с портфелем она отправилась в больницу. Бабушка приезжала чуть раньше, они разминулись в минут десять.

Трёхэтажная с большими окнами больница стояла на возвышенности, территория вокруг неё была тщательно обихожена, росли кусты шиповника, сирени, черёмухи. От автобусной остановки она быстро прошла по асфальтовой дорожке, упирающейся в высокое крыльцо. В вестибюле остро пахло хлоркой, только что вымыли полы.

– К нему нельзя, – сказали из окошечка.

– Почему? – спросила она.

– Он умер, – обыденным голосом прозвучало в ответ.

Она отошла от окошечка, не понимая до конца – правда или нет то, что услышала только что. Как замороженная, ехала в автобусе. За окном свежей зеленью бушевал май, а у неё в ушах стояло «он умер». Когда вышла на своей остановке, закипели слёзы, пришёл испуг: как это дед умер? Не может быть! Не помня себя, побежала домой. Толкнула калитку, заскочила на крыльцо, пролетела сени с окном размером в большую книгу, дёрнула дверь – закрыта изнутри. Заколотила в неё кулачками. Бабушка откинула крючок, поймала внучку в объятия:

– Вот мы с тобой, Алечка, и осиротели. Нет больше деда, нет нашего Егора Филипповича! Будем теперь, кровинушка ты моя дорогая, одни. Ты да я. Одни мы, Аля, остались, одни!

Рыдала в полный голос. Над гробом так не плакала. Выплакала всё в первый вечер.

Ни до, ни после подобных эмоций не проявляла. А в тот вечер то и дело прижимала к себе:

– Сиротинки мы с тобой, донюшка моя, без деда, сиротинки!

Дед умер двадцать седьмого мая. Недалеко от могилы рос большой куст черёмухи. Куста того давно нет, на его месте кого-то похоронили. А тогда куст стоял в цвету, белые гроздья сплошь усыпали ветви. Пока мужчины закапывали могилу, кто-то наломал черёмухи и положил на свежий бугорок. Никаких привозных гвоздик, роз, хризантем в их сибирском городке тогда не знали. На могилу водрузили венки из веток пихты, бумажных цветов, а в центре лежала большая охапка черёмухи.

Лето в год смерти деда стояло жарким. Это она хорошо запомнила, то и дело бегала на реку, что текла в пятнадцати минутах ходьбы от дома. Никто её в этом не ограничивал, была предоставлена сама себе. Бабушка утром говорила «я по делам» и исчезала часов на пять-шесть. Огород был практически посажен, после смерти деда бабушка полностью потеряла к

нему интерес. Отдаст внучке команду «прополи, полей» и всё. Сама исчезнет. Внучка наслаждалась свободой. Пропадала на речке, ходила с подружками в кино, читала книжки. В огороде что сделает, то и сделает, бабушка не проверяла. С вечера наготовит для внучки еды и на весь день завезется...

Выловила бабушку её подружка Ксения Ивановна, у той возникли стойкие подозрения о бабушкиных «делах».

– И часто бабушка так уезжает? – спросила, столкнулись они на базаре, где Алевтина Валерьевна покупала с подружками семечки. До этого Ксения Ивановна пару раз заходила к ним домой.

– Да каждый день? – беззаботно ответила внучка.

Ксения Ивановна не поленилась и поехала на кладбище, предположение подтвердилось – подруга сидела на лавочке у могилы и рыдала. Она успела обустроить место своего каждодневного присутствия, принесла откуда-то небольшую низкую лавочку, на ней сидела. Ксения Ивановна своим появлением сбила эмоциональный порыв. Бабушка промокнула глаза платком, шмыгнула носом и подвинулась на скамейке, дескать, присаживайся, подруга, коль пришла, хотя никто тебя не звал сюда. Ксения Ивановна села и вдруг тихонько запела:

Сронила колечко
Со правой руки,
Забилось сердечко
О милом дружке.

Бабушка подхватила:

Ушёл он далёко,
Ушел по весне –
Не знаю, искать где,
В какой стороне.

Спели дуэтом, на слезах пели, после чего Ксения Ивановна сменила лирико-драматический тон на сугубо назидательный:

– Авдотья Ильинична, подруга моя дорогая, и что это ты своей головой садовой думаешь? Ты в своём уме? Каждый день сюда как на работу! Ты, вообще-то, что-то соображаешь? Поднять его не поднимешь и себя изведёшь! Огород забросила, внучку забросила. Я тоже своего схоронила, думаешь, мне его не жалко? Ну ведь не яму теперь за ним лезть! Вот что ты сюда таскаешься каждый Божией день?

– Мне надо! – упрямо сказала бабушка.

– Ты думаешь, Егор похвалил бы? Внучка по боку, дом по боку! Давай-ка, подружка, прекращай убиваться! Оплакала его и будет! Живым – живое! Записки подавай, панихиду закажи, а сюда нечего таскаться изо дня в день, грех это. Сейчас заедем в церковь, подадим записки, завтра суббота, закажем панихиду. Хватит!

Той зимой бабушка собралась писать мемуары. Тетрадку в линейку Алевтина Валерьевна хранит по сей день. Икона и листочки с молитвами затерялись после смерти бабушки, тетрадь цела. На икону наткнулась случайно, что-то искала, бабушка сказала:

– В углу на печке посмотри.

Она встала на табурет и увидела большую никелированную металлическую коробку, в каких шприцы в больницах кипятили. Открыла, в ней лежала небольшая иконка и стопочка листочков, исписанных от руки бабушкиным почерком. Написано было химическим остро

отточенным карандашом. Бумага старая, пожелтевшая. Много позже Алевтина Валерьевна, вспоминая ту находку, подумала: наверное, в войну писала. Это были молитвы.

– Бабушка, это что?

Бабушка отреагировала резко:

– Не трогай и никому не говори. Сейчас же обратно всё сложи и поставь на место.

Она не видела, чтобы бабушка молилась. В церковь ходила два раза в год – святить куличи и мёд. Дядя Боря привозил к Медовому спасу свежий мёд, и она святила. Доставала нарядную тёмно-синюю шерстяную («английская шерсть» – обязательно скажет) юбку, тщательно гладила её, повязывала голову красивым платком и шла в церковь.

Вдруг у бабушки появилась задумка сесть за мемуары. Попросила у внучки тетрадку. Та достала две в линейку, одну в двенадцать листов, вторую в двадцать четыре.

– Какую?

– Давай потолще, – выбрала бабушка, – жизнь длинная. Много о чём можно написать.

Образование у бабушки было всего ничего – три класса. Но дед обучил её бухгалтерскому делу. Окончила перед войной курсы, но всё одно, сама в этом признавалась, если бы не дед, ничего из неё не вышло. У Алевтины Валерьевны с математикой в школе было грустно. Дед, занимаясь с нею, часто выходил из себя, ставил бабушку в пример:

– Бабушка три класса окончила, её хоть днём, хоть ночью таблицу умножения спроси, ответит. На счётах умножение и деление, только костяшки отскакивают, делает, а ты в четвёртом классе таблицу умножения не можешь выучить. Ну в кого ты, Аля, такая-то! Учи!

Почерк у дедушки и бабушки был почти прописи. Дед вообще каллиграф, писал без орфографических ошибок. Русский у Алевтины Валерьевны был на «пять», иногда пыталась деда поставить в тупик каким-нибудь правилом (к примеру, как пишутся гор-гар, зор-зар?) в отместку за арифметику, но не получалось.

– Напишу свою автобиографию, – сказала бабушка, садясь за круглый стол вечером, – про детдом, про жизнь мою горемычную в людях, про войну, у нас в этом доме в сорок втором десять ленинградцев поселили, женщины дети, год жили. Всё опишу, Ксения Ивановна придёт, я ей прочитаю, мы с ней нарвёмся. А потом четушечку раздавим, песни попоём! Хорошо нам будет!

И это «хорошо будет!» звучало мечтательно и напевно...

Раза три садилась за мемуары. В сумме написала два листа и бросила.

– Я и так Ксении Ивановне всё расскажу!

Родилась бабушка в самом начале Первой мировой войны, в сентябре 1914 года. Мать одного за другим трёх детей родила. Были у бабушки два брата, один на год старше, второй на два младше. Мать умерла от чахотки, а отца через год убила лошадь. Бабушке было пять лет, когда стала круглой сиротой. Определили всех троих в детдом. Только что Гражданская война окончилась. Голод. Бабушка рассказывала, детдомовцы ходили в город на промысел, лазили по помойкам, где хвостик морковки найдут, где кусок свёклы. Потом её дядя, материн брат, забрал из детдома. Нянчилась с его детьми, работала по людям, скот пасла. В девчонках подслушала Алевтина Валерьевна, бабушка рассказывала Ксении Ивановне, как была у неё романтическая любовь. Она в то лето пасла стадо и приглянулась молодому парню-трактористу – Васильку. Ей уж был двадцать один год, на выданье, но парня призвали в армию. Договорились, будет ждать, но дядя однажды вечером пришёл в дом с мужчиной и сказал племяннице: «Авдоха, вот тебе муж».

– Ослушаться дядю не могла, – говорила бабушка. – Сердце моё упало: а как теперь Василёк? Ведь обещала ему! Василёк был как цыплёнок светленький, стеснительный и разговорчивый, говорит-говорит, как ручеёк бежит. Много читал, рассказывал мне книжки. Погиб в войну. А Егор молчун, слова лишнего не проронит, серьёзный всю дорогу и старше меня

на пять лет. Я его поначалу боялась. Жена у него первая умерла, сын был, его её родители забрали, не жил с нами. Не любила я никогда Егора.

Такая вот нелюбовь. Умер нелюбимый и – катастрофа.

Воспитывала бабушка её строго. Могла обронить, если внучка выкидывала какой-нибудь фортель: «С меня матери твоей хватит!» Уже в выпускном классе училась Альбина Валерьевна, семнадцатый год шёл, но правило, как и у десятилетней: в девять как штык быть дома. Компания собиралась у соседнего дома. Окна у бабушки закрывались ставнями, причём – капитально. Ставни в закрытом состоянии держала металлическая пластина с кольцом, к которому крепился штырь, он через отверстие в раме шёл в дом и там фиксировался. Как только время девять, бабушка стучала изнутри в штырь – домой. Через пять минут стук повторялся. Третьего раза не было. Бабушка решительно закрывала калитку на все засовы. Дескать, раз не слушаешься – иди спать куда хочешь. Это случалось редко, но раза три-четыре лазила через высоченный забор. Долго стучала в дверь, бабушка выжидала, затем ни слова не говоря сбрасывала крючок с двери. На этом обида не заканчивалась. Обычно внучка, просыпаясь, видела на столе завтрак. Тут никакого завтрака. И весь день бабушка вела себя так, будто одна была в доме, не замечала внучку, не разговаривала с ней. Был случай, молчание без завтрака длилось на неделю. Внучка не просто опоздала к контрольному времени, заявила часа на полтора позже. Обиды бабушка держала в себе долго, при удобном случае – обязательно напомит.

Алевтина Валерьевна покрасила памятники. Краска нарядно блестела на металле. Можно было передохнуть. Час назад, унося с могилы собранную листву, заметила у кучи мусора большое белое пластиковое ведро из-под краски, предусмотрительно захватила его. И теперь, перевернув ведро кверху дном, села на него. Ноги устали, так хорошо было дать им отдых. Шумел в зелёной листве ветерок, со стороны дороги, её не было видно из-за деревьев, доносился сухой шелест шин по асфальту. Сорока села на соседнюю оградку, посидела и улетела. Алевтина Валерьевна заговорила тихим ровным голосом в сторону памятников:

– Вот и сподобилась я к вам, дорогие мои! Вы уж меня простите, далеко от вас уехала, далеко. Так получилось. Теперь и моя жизнь, хочешь – не хочешь, пошла на закат, шестой десяток. Грех жаловаться, без куска хлеба не сижу, и не сидела никогда, совестью не торговала. Не хуже других живу, но ближе вас нет у меня никого. Мама есть мама. Она всю дорогу свою жизнь устраивает. Восемь лет назад к пятидесятникам подалась, познакомилась там со старичком, уехала с ним в Белоруссию. Вы не думайте, вас никогда не забываю, нет, как могу забыть? В родительские дни заказываю панихиды, записки подаю, каждое утро поминаю первыми. В спальне на тумбочке стоит у меня ваша фотография, где в войну в Тюмени снимались. Дед весь серьёзный, а бабушка молодец, естественно держится. На будущий год не обещаю, а года через два обязательно приеду. Мне бы с вами рядом лечь, да навряд ли...

К глазам подкатились слёзы, она сдержала себя, поднялась на ноги, открыла банку с краской, начала красить оградку.

Вдруг вспомнила, бабушка обязательно, если вдвоём приходили на кладбище, говорила, указывая на могилу, она была где-то рядом, в которой похоронена совсем молодая женщина, бабушка каждый раз, повторяла.

– Лиза сиротинушка похоронена. За что такая судьба, детдомовка, у нас на деревообрабатывающем заводе работала, двадцать один год. Как уж, горемычная, упала в отеплённый бассейн. Видимо, вечером в темноте пошла по краю, и поскользнулась, так-то бы не должна утонуть, глубина всего полтора метра, вода тёплая, а ударилась головой о бревно и захлебнулась в бессознательном состоянии. Утром рабочие идут, она там. Весёлая всегда, без улыбки не видела её, шаг широкий, идёт, что летит, медленно не ходила, это, поди, и подвело... Однажды я сказала Лизе, что поела вдосталь горького детдомовского хлеба, она мне: «Значит, нам с вами, Авдотья Ильинична, никакая зараза не страшна, ничё нас не вышибет из седла!» А её

раз и вышибло... Эхе-хе... Детства не знала и семьи и не узнала... У меня и муж, и дочь, и ты, егоза такая... Я вон какая богатая сиротинушка...

Бабушка смотрела за могилкой Лизы, убирала листву, красила памятник и оградку. По хорошему и там надо было убраться, но Алевтина Валерьевна не могла вспомнить даже направление, в каком была могила. В сторону Солнечного, но справа, слева или прямо – не помнила. Ориентировалась она на местности из рук вон плохо. В трёх соснах заблудиться ничего не стоило. Памятник у Лизы примерно такой же, как у бабушки с дедом – металлическая тумбочка, кажется, звёздочка сверху. Может, и не сохранилась могилка, сколько времени прошло, бабушка умерла двадцать пять лет назад, Лиза погибла лет на десять раньше.

Алевтина Валерьевна, закончив красить оградку, банку из-под краски, кисточку, наждачку, тряпки, растворитель, собрала в пакет – выбросить на обратной дороге. Грабельки и лопатку положила за памятником деду. Достала из сумки свечу, зажигалку, молитвенник – коричневую книжку с золотыми буквами на обложке, приспособила свечу на могиле бабушки, зажгла. Раскрыла молитвенник в заложенном месте и отслужила литию. Поплакала. Перед самым уходом, подстелив халат, встала на колени, сделала земной поклон:

– Простите меня дорогие, – выдохнула в траву на могиле.

И пошла по тропинке к шоссе.

Её самолёт летел ночью.

Итак, она звалась Татьяной

Рассказ Григория

Не хочется подводить себя под поговорку «старость, не радость – кости болят», ещё и пятидесяти нет, но с годами чаще и чаще приходится обращаться к врачам. Основная проблема – варикоз. По-хорошему, раз в год надо пролечиваться в стационаре, но всякий раз оттягиваю, пока жена не вытолкнет. В последний раз два года тянул, уже и врач стал ругаться. Сдался в конечном итоге.

Мест в палатах не было, для начала определили в коридор. На коридорных площадях в больницах, как правило, наличествуют бомжи, хотя бы один-два на этаже. Если разобраться, нехорошее слово «бомж», с нотками гордыни: вот-де падшие люди, тогда как я крепко держу птицу счастья за хвост. Лучше по мне – бездомные.

Медсестра подвела к кровати.

– Располагайтесь, – говорит, – а бельё вам надо другое застелить – это для них.

Кивнула головой в сторону кровати, на которой сидела женщина.

– Да ладно, – остановил медсестру, – пойдёт, какая разница.

Бельё не рваное, ну где-то пятна йода, в принципе, нормальное.

Разместился в коридоре, смотрю, женщина, на которую кивнула медсестра, достала Евангелие. Сидит, как воробышек, читает. Протестантское издание, баптисты такие распространяют. Интересно – бездомная читает Евангелие... Подошёл, познакомились. Звали на пушкинский манер – Татьяной.

Жена ворчит на меня: вечно ты с кем-нибудь возишься. А как не постараться для человека, если пропадает, почему не поискать возможность принять участие в страждущем, подержать его. Честно скажу, плохо у меня получается.

Таня ростом маленькая, полутора метра не наберётся. Сорок четыре года, а со спины – подросток. Было дело – двоих детей родила, да родительских прав лишили, когда дочери ещё в школу не ходили, сестра Танина их воспитывает. Сама Таня из района. Не спросил, кто её в город привёз. Это потом в монастыре, рассказывая о себе матушке Варваре, Таня скажет: дров не было зимой, её привезли в город, чтобы не замёрзла. Получается, привезли и бросили.

В больнице в коридоре на нашем этаже бездомных было двое, ещё Володя без ног – на коляске. Оба поступили в больницу из центра социальной адаптации с одним диагнозом, который меня на некоторое время вверг в уныние – рожа. Не вдохновила, прямо скажем, перспектива рожей заразиться. Врач успокоил, Таня и Володя получили ударную дозу антибиотиков, их раны настолько густо обрабатываются йодом, что опасаться нечего.

Раз пять в этой больнице лежал, раньше был заведующий отделением, так он зимой весь коридор бездомными заполнял, сердобольно относился к их брату. Не гнал почём зря. Остальные доктора бездомных не приветствовали.

Володя мужчина общительный. На жизнь свою безногую и бездомную смотрел с оптимизмом. Если Таня в центре социальной защиты новичок, Володя старожил. Пользовался там авторитетом и уважением, хотя и без ног. Таню в обиду не давал.

– Крышую, – смеялся.

Таню, за себя постоять не умеющую, начали было тюкать в центре, да Володя быстро разобрался, пригрозил: если что – будете иметь дело со мной.

От него многое узнал о центре. Новичков первый месяц держат бесплатно, потом лафа заканчивается – плати. Сто пятьдесят рублей в день на то время стоило койко-место.

– А если денег нет? – спрашиваю.

– Ночуй в филиале центра, – весело ответил Володя, – на трубах!

– На каких трубах? – не сразу определил я местоположение альтернативного ночлега. – В каком филиале?

– На теплотрассе! – пояснил, широко улыбаясь, Володя. – Ну, а найдёшь деньги – снова приходи.

И добавил, великодушно приглашая меня:

– Будут жизненные затруднения, милости просим на огонёк. Только, предупреждаю, пьяных не пускают. Даже с запахом. Пусть ты заранее заплатил, не играет роли: принял на грудь – досвидос, сначала протрезвись. С этим жёстко.

«Филиал» был расположен в шаговой доступности – теплотрасса из окон центра видна. Изоляция на горячих трубах снята, тут же валяется тряпье под себя подстелить, чтобы не обжечься (пьяные, само собой, обжигаются). Так и перемогают бездомные, у коих денег на центр не имеется. Кому-то жалко, если деньги вдруг появились, отдавать их за ночлег, лучше на бутылку употребить.

Володя человек светлый и добрый. В отличие от Тани ему проще – пенсию по инвалидности получает. Причём, неслабую. У меня тётка всю жизнь на заводе проработала – у неё меньше. Живёт Володя криво, что там говорить, выпивает, а так открытый и простой. Без мути, когда старается наврать побольше, разжалобить, чтобы что-то поиметь с тебя. И он, и Таня живут одним днём. Как птицы небесные. Володя не жадный – Таню подкармливал, меня постоянно угощал. Начну отказываться:

– Я-то, – говорю, – домашний, я должен тебя угощать.

– Ничё-ниче, – скажет, – рубай моё, не обеднею.

Я тоже с ним делился. Жена принесёт – обязательно Володю, Таню попотчевая.

Володя оригинальный бомж – нанимает себе человека для obsługi. Женщина в больницу принесла ему продукты, рубаху чистую, майку. Спрашиваю:

– Сестра твоя?

– Горничная, – смеётся.

У Володи есть дети, жена, которая давным-давно развелась с ним. Так что живёт Володя сам по себе, а финансы позволяют нанять личного соцработника. При надобности не брезгует понищенствовать – подзаработать на паперти. Безногому хорошо подают.

По рассказам Володи, среди бездомных попадают ухари – ради инвалидности специально отмораживают конечности.

– Я-то нет, – отмёл мои предположения, – по пьяной лавочке. Уж если бы собрался, обошёл бы меньшими потерями – а так по самое не могу отчекрыжили.

Причём, за два раза. Сам над собой смеялся: и поморозило, и пожгло. Сначала одну ногу отняли – обморозил. Со второй угораздило в пожаре побывать. Не сказать, сильный ожог, хотя прилично коже досталось, ещё и в термобелье был... Всё бы обошлось, но при таком образе жизни Володя добавил к ожогу заражение... Остался без обеих ног...

Один Володин бомж-коллега для приобретения статуса инвалида надумал ступню поморозить. Сказано, сделано. Для храбрости перед началом операции по отмораживанию конечности хорошо принял на грудь и заснул... Да так хорошо спал, что обе ноги потерял.

Таня – моя боль, искренне хотел ей помочь.

Что удивило – не материлась. И мне замечание делала, матерок у меня выскочит, она:

– Гриша, ну зачем материшься?

Но без осуждения.

И в центре адаптации, Володя говорил, ни разу не слышал от неё матов.

Воля, конечно, сломлена. Тот случай, когда человека, в какую сторону ни подтолкни – пойдёт. И смиренная. Ничего не просит, не жалуется. Операцию сделали, а болезнь запущена,

нагноение мощное, до кости разрезали, прочистили. Больно, она тихонечко лежит и плачет. Ни слова жалобы, ни стоны – молча слёзы льёт. Вот у кого смирению учиться.

Сколько ни сталкивался с бездомными в больницах – все такие. Лечат их лишь бы лишь бы, что-то поделают и за порог, а у каждого букет болячек. Но прав не качают, безропотно относятся к тому, что их считают за второй сорт...

В больнице в тот раз впервые столкнулся с беснованием. Положили в коридор женщину. Привёл её муж. Что сразу бросилось в глаза – неестественно бледные, будто под облучение попали. Нежилые какие-то. И холодок от обоих. Не то что антипатия возникла к ним, вполне приличные люди, но что-то веяло от них. Наступает ночь. Как начала она орать мужским голосом. Орёт, рычит. Не представляю, как женщина вообще может такие звуки издавать. Больница огромная, конечно, были среди пациентов верующие, читали молитвы. Я сам молился на ночь. Это на таких действует. Нутряной голос у неё, грубый, орёт, лает, ругается матом, рычит по-звериному. Лежу, она мужским голосом: «Ты кто? Зачем ты меня мучаешь? Ты где? Найду тебя!»

Кого она, спрашивается, грозилась найти? Я-то слабый молитвенник. Наверное, монахи или монахиня в больнице лежали.

На меня животный страх напал. Ещё и фильм про Вия вспомнил. Ни раньше, ни позже...

К женщине медсестра подошла.

– Что с вами? – спрашивает.

Нормальным голосом ответила, что зуд у неё под кожей.

Медсестра:

– Где, в каком месте?

– Везде чешется.

Всю ногу об кровать разбила, что-то с ногой у неё было. С кровати всё сбросила, матрац на полу валяется, подушка. На голой панцирной сетке лежит.

Это ещё не всё в ту памятную ночь. У них как цепная реакция. В отделении выше этажом, тоже крики начались. Слышу, дежурный врач оттуда пришёл, жалуется нашему: парень орёт.

В ту ночь практически не спал я, все молитвы, которые помнил, на десять рядов прочитал.

На следующую ночь беспокойной женщине с вечера лошадиную дозу успокоительного дали. Не материлась, но рычания прорывались. А потом её куда-то перевели.

На пятый день моего пребывания в больнице предложили мне в палату перейти, появилось место, но я отказался. В палате непременно попадётся хотя бы один из вечно недовольных – с утра до вечера хоть уши затыкай – всё плохо. И целый день будет зло бухтеть про болезни, операции, медицину никакушную, власти вороватые, чиновников хапуг. И так понятно, что об этом толочь. В предпоследний раз лежал с любителем анекдотов, исключительно похабных. Человек не с обочины, старше меня, начальник отдела на заводе. У него смартфон, по нему отыщет анекдот, похихикает в экран, потом начинает веселить палату, как-же не поделиться сокровищем.

Ещё один всю дорогу свою мать ругал. Костерит и костерит. Я не выдержал.

– Слушай, – говорю, – не стыдно, она тебя родила, а ты такая-сякая нехорошая. Позоришь сам себя. Есть заповедь Божья: чти отца и мать свою, и благо тебе будет, и долголетен будешь на земле. Не почитаешь – вот и загибаешься тут. Мать его в детстве недоглядела... Она, поди, пахала с утра до вечера тебя прокормить...

Задело за живое.

– Если такой хороший, – начал мне выговаривать, – почему сам здесь торчишь?

– Тоже, – говорю, – хватает грехов.

Все с гонором собрались. Который с матерными анекдотами, два дня дулся на меня, замечание ему сделал, и этот тоже ворчал.

Лежал ещё дед Борис. Семьдесят пять лет. Ногой маялся и всю дорогу умирал. Полежит-полежит, и начинает кладбищенскую песню: ой – умираю, ой – умираю! С полчасика постонет, отдохнёт и снова заводит шарманку – умираю. Замучил всех.

Был в отделении хирург, фамилия как у знаменитого хоккеиста – Дацук. Ражий мужчина, халат по спецзаказу – чехол для шкафа. Килограммов сто двадцать в хирурге помещалось. Красномордый, голос громоподобный... И с юмором... В палату зайдёт, как гаркнет, аж лампочка замигает:

– Больные есть?

К деду Борису однажды шагнул, навис над кроватью:

– Что болит?

Дед в простынь вжался, испуганно выдавил из себя тоненьким голоском:

– Нет, ничего не болит!

Сразу умирания улетучились. Испугался, начни жаловаться на боль в ноге, Дацук стребёт, в операционную утащит и без наркоза отпилит конечность, не успеешь и ойкнуть.

Я возликовал – наконец-то дед Борис замолчит. Часа два тихо было в его углу, а потом снова начал умирать.

Совсем другое дело в коридоре лежать. Володя такой человек, что никакой спеси, гонора, обид, негатива. У меня нога занует – настроение портится, а у него вообще ног нет... И не унывает... То и дело повторял: посмотрим, сказал слепой, как будет плясать безногий!

Отказался я перебираться в палату.

– Мне, – говорю, – и здесь нормально – свежий воздух, сквознячок... А в палате душно...

Лучше, думаю, с бездомными рядом, меньше грехов...

В конечном итоге меня записали в одну компанию с ними. Дескать: рожей не заразился, а мозги точно от общения с бомжами набекрень съехали. Вместе с Володи и Таней выписали. Два года назад в этой же больнице двадцать один день лечили. Тут через восемь дней заотделения подходит: всё – выписываем. Я повозмушался, он внял моим требованиям, оставил на четыре дня, потом опять забыл, что я не бездомный... У Володи с Татьяной вообще раны конкретные, казалось бы – лечить и лечить, а их на выход. Они слова в свою защиту не сказали.

Говорю заведующему отделением:

– Ладно, я домой. А Татьяна куда?

– Её болезнь в такой стадии, что в домашних условиях нормально лечится.

– Какие, – попытался втолковать ему, – у бездомной могут быть домашние условия? Её долечить надо. В полном здравии от вас выйдет – уже проще ей. Человек ведь!

– Её бездомность не в моей компетенции, – поставил точку.

Смотрю, Таня в уголке на лестнице тихо плачет. Отвернулась к окну, слёзы вытирает. Идти некуда. Дал ей денег, всё что у меня было с собой, на центр адаптации. Пусть хоть первое время там побудет.

Друг у меня Андрей, человек православный, рассказал ему про Таню. Как бы, говорю, помочь. Хочет женщина исправиться, понимает, нельзя так жить, а выбраться из болота не может – такой поддержка нужна. Вот бы в монастырь пристроить. Монахиня из неё получится или нет, тут как Бог даст, хотя бы в себя пришла в человеческой атмосфере, оттаяла от жизни непутёвой. Глядишь, побудет месяц-другой трудницей, втянется. В дореволюционных монастырях десятки лет в послушниках ходили, не все и монахами становились.

Андрей мою идею одобрил. Приехали за Татьяной в центр социальной адаптации.

По большому счёту, не увидел я адаптации в центре – гостиница, ночлежка – не более. Тоже хорошо, но это как при болезни, когда не причина лечится, а обезболивающее принимается, которое в конечном итоге тебя и прикончит.

Я-то наивно предполагал, какие-то цеха есть в центре. Той же Тане надо было не рыбку давать, а удочку. Рассказывала, одно время у какого-то сельского предпринимателя скотницей устроилась, не на ферме, при доме. Под её опекой были поросята, козочки, корова. Хорошо, говорит, было. С животными, говорит, лучше, чем с людьми. С ностальгией вспоминала. Мало кто из бездомных возвращается к настоящей жизни. Единицы могут подняться без посторонней помощи и начать зарабатывать на хлеб. Есть такие, кто, живя в центре социальной адаптации, неплохо зарабатывает. Но как – нищенствованием. За Таней приехали, стою у машины, ко мне подъезжает на коляске средних лет мужчина:

– Слушай, давай ты меня будешь днём отвозить, вечером привозить, я тебе тысячу-полторы в день давать. По рукам?

Если он вот так запросто может таксисту отвалить тысячу, сколько тогда на паперти зарабатывает или в переходе?

– Нет, – говорю, – не по рукам. У меня и без тебя грехов полно.

В центре была ещё одна памятная сценка. Стоим в холле, к нам подсакивают два пятидесятника. Володя рассказывал, пятидесятники центр плотно пасут. Более-менее трудоспособных бездомных к себе подтягивают, на свои работы привлекают. С администрацией они вась-вась – взаимовыгодное сотрудничество. Подсакивают к нам два пятидесятника, а с ними женщина, заведующая что ли. Крепкая крупная женщина с ярко-рыжими волосами и с наездом на нас:

– Вы за Татьяной приехали?

– Да, – говорю, – а что нельзя?

– А то, что её они уже, – показывает на пятидесятников...

Один из сектантов снисходительно-хозяйским тоном перебил заведующую:

– Ладно, пускай она будет ихняя.

Уступил, что называется... Сразу глаз на неё положили. А что – силёнка ещё осталась в женщине, руки-ноги при ней, можно поэксплуатировать...

Андрей не смог промолчать, сектанты на него действуют, как красная тряпка на быка, выпалил:

– Лучше быть пьяницей и блудником, чем еретиком.

Пятидесятники как ежи иголки выпустили:

– А вы доскам молитесь!

Я схватил Андрея за руку, потащил к машине:

– Поехали-поехали, времени нет для богословских стычек.

Ему только дай подискутировать с такими оппонентами.

Едем, Андрей говорит:

– Лучший вариант – монастырь матушки Варвары.

Я и сам так думал. Матушка вообще уникам, монастырь с нуля создала, трудяга и молитвенница. Скольким людям из мира и молитвенно, и материально помогает. Как-то на великомученицу Варвару был в монастыре, за трапезой разговорился с соседкой по столу, она рассказала, что матушка ей корову подарила, деток нечем было кормить, она коровку выделила. А сколько у матушки духовных чад по области...

Первый раз приехали с Таней в монастырь неудачно – матушка за день до этого отбыла на неделю. Без игуменьи, само собой, никто не оставит в обители.

Андрей предположил:

– Может, дорога сюда закрыта, не наш вариант, поехали-ка в другой монастырь.

Андрей и там свой человек, игуменью хорошо знает и та его. Да только знакомство не помогло.

– Таких не беру, – откровенно сказала настоятельница, – научена горьким опытом. Дня на три, может, хватит её, потом понадобится водка и мужики.

– Она, – говорю, – настолько смиренная, просто диву даюсь.

– В тихом омуте, знаешь, кто водится?

– Догадываюсь! Но, мне кажется, Таня, не тот случай!

– Поверь мне, – не согласилась настоятельница, – все они тот случай. Одна такая тихоня схватила топор и давай гонять моих бабушек. Выхожу, она летит, топор над головой, готова всех в капусту порубить, глаза бешеные, руки трясутся. Я встала перед ней: «Руби!» – говорю. Опустила топор, разревелась.

Конечно, в жизни Тани и пьянство, и всё что хочешь было. Дом в деревне превратила в притон, забор вокруг него на дрова пустила... А потом и вообще дальние родственники её фактически вытурили. И есть дом, и нет его. Человек безвольный, этим воспользовались. А защитить некому.

Через неделю второй раз повезли к матушке Варваре. Снова её не было, но сказали, возможно, приедет. Делать нечего, решили ждать, и вправду, через час приезжает. В мгновение ока паломники набежали. Никого не было, тут, будто под кустами и за деревьями прятались, как по команде выскочили – толпой окружили матушку.

Наша очередь подошла. Андрей стал просить за Таню.

– Вот привезли, человек в трудной жизненной ситуации.

– А у кого она лёгкая, – сказала матушка и обратилась к Тане. – Ну, птичка вольная, что хочешь?

– Хочу исправиться, – Таня как школьница потупила взор.

– Рассказывай, как жила, – спросила матушка, потом в глаза Тане посмотрела. – Собственно, и так вижу.

Потом, хотя ни мы, ни Таня ничего не сообщали про болезнь, говорит:

– Где заразилась?

– Не знаю, – Таня снова глаза опустила.

– Давай сделаем так, – вынесла свой вердикт матушка, – два раза исповедуешься, причастись, и всё пройдёт. А то сёстры разбегутся из монастыря от твоей болячки. Сделаешь, как я сказала и приезжай, тогда и посмотрим на твоё поведение, а пока молиться за тебя будем.

Ещё матушка поинтересовалась, есть ли паспорт, и не беременна ли случаем «птичка вольная».

– Я однажды обожглась, – сказала, – приняла такую же скромницу, она оказалась на третьем месяце. Гляжу, Матерь Божья, у моей трудницы живот на лоб лезет. Владыка долго подшучивал: «Мать настоятельница, докладывай, как в обители с беременностью обстоят дела?» Обжегшись на молоке, дую на воду – справку требую.

На обратной дороге Андрей сказал:

– Зацени, Таня, матушка благословила на приезд к себе. Что бывает далеко не с каждой, кто обращается к ней. Так что, если всё сделаешь, как велела, возьмёт в монастырь, а дальше всё от тебя зависит.

– Ага, – кивнула Татьяна.

– Матушка будет молиться за тебя, это, поверь, дорогого стоит. Мы с Григорием своими слабенькими молитвенными силами тоже поддержим. Но матушкина молитва – не сравнить.

Ничего Таня не поняла. Но отметила:

– У матушки хорошо. Легко было на душе, покойно...

Отвезли Таню в центр адаптации.

Едем оттуда, Андрей говорит:

– Оставлять в центре нельзя. Надо что-то придумывать.

Я жене заикнулся, мол, недели на две, максимум, на три давай возьмём Таню, чтобы исповедалась, причастилась под нашим призором, потом к матушке Варваре отвезём. Жена на дыбы:

– Ты в своём уме?! Только через мой труп! Заразу всякую в дом.

Жену не переступишь. Жил бы один или с мамой, другое дело. У Андрея тоже некуда. Он позвонил епископу Николаю. Пять лет назад у нас создали митрополию, владыка Николай возглавил одну из епархий в ней. Я-то его практически не знал, Андрей давно был знаком с ним, даже в хоре пел в его храме, когда владыка был ещё иереем. Владыка сразу согласился. Привозите, говорит, устроим.

Центр епархии располагался в районном городке. На его окраине скит с небольшой церковью. В скиту владыка планировал создать женскую обитель. Проблема новых монастырей – насельники. Нет их. Здесь тоже подвизалась одна лишь инокиня Елена. Основное послушание, которое дал ей владыка на тот период, было по торговой части. В городском торговом комплексе имела епархиальная лавка со свечами, иконами, православной литературой. В ней инокиня с утра до вечера пребывала. В храме скита послушничали днём две городские женщины, одна в свечной лавке сидела, другая полы мыла, за подсвечниками следила. Вот и весь состав обители. Тогда как скит располагал немаленькими сельскохозяйственными площадями – огород, картофельное поле с гектар величиной. Есть где поработать, да некому. Владыка надеялся на Танину помощь.

Однако инокиня Елена приняла трудницу прохладно, если не сказать больше, заявила: Таня ей не нужна. Владыка говорит, пусть поживёт месяц-другой, поможет, инокиня – нет. С гонором женщина. Не знаю, что её привело в монастырь, когда-то работала инженером в конструкторском бюро. Запросто на владыку повышала голос. Тот слушает-слушает, потом прикрикнет:

– Елена, епитимию на тебя наложу!

Она тут же голову покаянно уронит на грудь, и ну виниться:

– Владыченька, простите!

– То-то же, – скажет владыка.

Через две секунды инокиня опять за своё. Сложный случай. Кто-то сказал: лучше командовать сорока мужиками, чем одной женщиной с высшим образованием.

Я женщин, что при храме работали, попросил:

– Вы Таню не обижайте, поддержите, пожалуйста, болящую!

Только и они в дуду инокини начали дуть:

– Ага, сейчас всё бросим и посадим твою болящую на божничку.

Трудный случай.

Владыка Николай своей властью постановил Таню взять, нам сказал, чтобы не беспокоились, сам будет курировать процесс, в обиду не даст.

Беда в том, Таня весь день в скиту была сама себе предоставлена. Инокиня с утра уходила в торговый комплекс, в епархиальную лавку, лишь вечером возвращалась в скит. Время от времени я ей звонил, спрашивал про Таню. Жаловалась: ничего не хочет делать. Таня выйдет на это бескрайнее поле картошку полоть, потюкает тяпкой и затоскует, уныние начнёт одолевать. Бросит инструмент и идёт спать. Человек неустойчивый, такому наставник нужен, руководитель, чтобы строгое слово сказал, направил, а то и отругал... Что хорошо, инокиня помогала Тане готовиться к исповеди, причастию.

Второй раз она причастилась, а на следующий день (Таня по телефону мне потом скажет) лукавый подогнал ей искушение. Иду, говорит, стоит машина с парнями из её деревни. Села и уехала с ними. Дело в том, что её родная деревня была в сорока километрах. Помню, она испуганно вздрогнула, когда сказали, что едем в епархию к владыке Николаю. Видимо, не хотела в родные края.

Звоню инокини, та говорит:

– Исчезла твоя Таня.

– Как исчезла?

Мы с Андреем собирались в ближайшую субботу ехать за ней, везти к матушке Варваре. Паспорт, страховой медицинский полис оставила в обители и пропала. Я даже забеспокоился, может руки на себя наложила. Инокиня сказала, что никаких залётов с пьянством у Тани не было, нога зажала.

Расстроила меня Танина пропажа, где она, что с ней? Вдруг дней через пять звонок на сотовый, номер неизвестного абонента высветился. Из трубки Танин голос. Сначала пошла вразнос, никак не ожидал от неё такой прыти.

– Зачем вы меня взяли с Андреем? – с истерикой закричала в трубку. – Вы знали, какая я! Вы эксперименты надо мной ставили!

Потом сбавила тон. Стал спрашивать, не обижала её инокиня. Я думал: инокиня выжила. Раза три спрашивал, всякий раз отвечала, что никаких обид на инокиню Елену, наоборот – человек она хороший, беззлобный, просто у неё характер такой. К концу разговора Таня опять в слёзы:

– Вы знали, какая я, зачем всё это надо было делать?

Потом заявляет:

– Приезжай, хочу тебя увидеть.

– Ну, встретимся, – говорю, – и что дальше? Что?

Разозлился на неё. Откровенно разозлился. Старались-старались для неё. Понимал, что она со слабой волей – куда ветер подует, туда и несёт, а не мог не злиться.

– А что мне сейчас делать? – спрашивает.

– Держись, – говорю, – церкви.

– Мне сказали, церковь не поможет.

– Кто сказал? Кто?

– Сказали.

То ли у неё видение было, то ли что. Бесы, конечно, не отстали от неё. Такой лакомый кусочек ускользает. Они строили-строили домик, а его начали разрушать, вот и вцепились посильнее.

Таня опять на истерике давай просить меня:

– Приезжай, увидимся, а потом всё!

– Что, – спрашиваю, – всё?

– Всё!

Я отказался. Хотя, может, надо было...

Опять же, приехал бы, ну и что? Зачем? Посмотреть друг на друга?

Предложил отвезти её к матушке Варваре, она:

– Нет-нет, только не сейчас...

– А когда, – говорю, – когда?

– Не сейчас, потом...

Очень я на неё обиделся в тот раз.

– Держись, – говорю, – церкви.

И прервал разговор.

Один шаг оставался до монастыря, всё сделала, что наказала матушка Варвара. Исповедалась, причастилась, рана зажала. С монастырём жизнь могла по-другому пойти...

Искренне хотел помочь Тане прийти в себя, опаматоваться. Живёт создание Божье, а никакой радости, ничего у неё нет. Ничего нет. Ни дома, ни здоровья, ни детей, по большому счёту. И впереди беспросветность. Кому нужна? Да никому. Во многом сама виновата... Но ведь не в диком лесу человек – люди вокруг. Хотел помочь... И не удалось. Всё, получается, зря.

Андрей не согласен.

– Нет, – говорит, – не напрасно возились с ней. Она столько грехов нацепляла за свою жизнь, а тут впервые покаялась в них, Господь простил. А ещё причастилась! Какое это благо для души! Матушка Варвара молилась за неё. И сейчас, не исключая, продолжает. Представляешь, кто просит Бога за Таню! Нет, не зря...

Хотелось, чтобы не зря...

Будучи в больнице как-то с Таней пошли покурить. Курила немного, есть сигареты – покурит, никто не даст – терпит. Стоим, курим, она рассказала случай из бродяжнической жизни. Осенью обитала на трубах, холодно было, вдруг ливень как из ведра. Сплошной стеной хлынул. Всех бомжей на теплотрассе замочило до последней нитки, а она сухая. Молилась, говорит, Богородице, и ни капельки не упало.

Под Вербное Воскресенье

Мать Анжелины, Елена Архиповна, была из натур оригинальничавших. И происхождением не из князей, а поди ж ты... К имени дочери подошла с позиции, дескать, Тань, Ань, Надь и Светок с Лидками без того пруд пруди, надо позаковыристей. Остановилась на Айседоре. Перед официальной регистрацией дитяти похвасталась своему отцу, вот, дескать, как звучно наречём внучку! Это не какая-нибудь Тонька или Зинка. Дедушка новорожденной задохнулся от негодования.

– Ты, Лена, совсем спятила? В будке у нас сука Найда, а в доме внучка Айседора!

– Папа, при чём здесь Найда? – вспыхнула молодая мамаша.

– При том, что не майся дурью! Назови Марией в честь моей мамы, твоей бабушки!

– Ага, будут дразнить: Маша с «Уралмаша»! Или – Манька с трудовнями!

– А её буду звать Айседурой! Маму мою, будет тебе известно, никто не дразнил, наоборот – с уважением относились. Прислушивались, что Мария Михайловна скажет!

– До революции «Уралмаша» с трудовнями не было! – ввернула свой аргумент дочь.

И всё же не пошла поперёк родителя. Тем более, Айседура похлеще будет Маньки с трудовнями.

Имелся запасной вариант – Ангелина. Тоже редко когда услышишь.

– Вот это ладно, – согласился отец. – В сорок третьем в прифронтовом госпитале оперировала меня Ангелина Александровна. Хороший человек.

Так наша героиня не стала Айседорой.

Мать её, всю жизнь одолеваемая занозой оригинальничания, не могла остаться в стороне, когда накрыла в девяностые годы прошлого века наши легковёрные головы волна оккультизма с экстрасенсами, эзотериками и магами. Ходила на лекции, училась на курсах, получала красивые и дорогие сертификаты, пыталась лечить, но без каких-либо успехов. После смерти матери Ангелина унесёт в гараж два здоровенных чемодана книг по магии.

Матери было шестьдесят шесть лет, когда забеспокоилась: так ведь и спиться можно. И раньше не отказывалась выпить рюмку-другую, здесь не на шутку пристрастилась. Понимала, пора тормозить, пыталась остановиться, а не получалось раз и навсегда отрубить – «нет». В голове не выбиваемо сидела мысль о стограммовом кайфе. И здоровье уже не то, чтобы через день да каждый день. Жаловалась, утром порой такая тоска накатит – жить не хочется. Обратилась с проблемой к Валерии Евгеньевне, широко известной в их крае целительнице. Как говорили давно знающие её люди, поначалу отличалась скромностью в аппетитах. На вопрос «сколько я вам должен?», отвечала «сколько не жалко». Однако период неопределённости длился недолго. Валерия Евгеньевна быстро поняла – данную тему ни в коем разе не следует пускать на самотёк, человек такая натура, ему всегда жалко. Валерия Евгеньевна внесла чёткий порядок в оплату услуг. Причём, такса имела тенденцию постоянного роста. Количество клиентов увеличивалось, грех было не переводить его в рост доходов. Валерия Евгеньевна лечила, снимала сглазы, порчи, привораживала женихов, помогала бизнесменам в делах. Одним словом, лекарь широкого профиля. Настоящего медицинского образования у Валерии Евгеньевны не имелось, когда-то давным-давно окончила техникум советской торговли и всю советскую часть жизни работала по данному профилю. Профессиональные торговые принципы хорошо сочетались с целительскими. Мать Анжелины не говорила, сколько денег потратила на своё лечение, но судя по всему – немало.

На последний сеанс поехали вместе.

– Геля, отвези на машине, – попросила мать.

Ехать надо было в соседний городок, за шестьдесят километров. Дом у Валерии Евгеньевны выгодно отличался от соседских. Двухэтажный кирпичный особняк, выложенный

плиткой двор, просторная веранда. Построен с учётом основного вида деятельности хозяйки. Отдельный вход из коридора вёл в «клинику». Там имелся кабинет для приёма страждущих, перед ним комнатка со стульями по стенам – для ожидающих своего часа.

Валерия Евгеньевна разрешила Ангелине присутствовать при сеансе. Мать легла на диван на спину, на солнечное сплетение целительница положила икону. Это был образ Казанской Божьей Матери. Ангелина не могла назвать себя экспертом по иконам, но «Казанскую» знала. Образ явно был из старинных. Возложив икону на пациентку, Валерия Евгеньевна начала произносить какие-то молитвы или заклинания. Ангелина не прислушивалась, смотрела на мать. У той краска сбежала с лица, кожа сделалась бледной, появилось выражение муки, мать начала издавать звуки, характерные при рвотных позывах.

Потом скажет, это были цветочки, на первых сеансах выворачивало наизнанку так, что вспоминать не хочется. До конца жизни упоминание о водке вызывало соответствующий рефлекс.

Правда, и жить оставалось немного.

Каким образом целительница и её недавняя пациентка загорелись этой идеей, Ангелина не знает. Вдруг позвонила мать:

– Геля, возьми кредит. Мы с Валерией Евгеньевной одну тему решили замутить. Валерия Евгеньевна говорит, дело верное. Я ей верю. Так что деньги отдам, не беспокойся. Двести тысяч надо.

Мать так и не поведала о нюансах партнёрства. Какое участие принимала Валерия Евгеньевна – осталось загадкой. Возможно, подала идею (небескорыстно), за которую мать ухватилась обеими руками. Её авантюрный нюх подсказывал, надо браться, пока никто не опередил. Москва с её деньгами, помешанностью на эксклюзиве клюнет непременно. И потекут деньги в прямом смысле слова – из грязи...

Идея заключалась в следующем. В двухстах километрах от их города имелось озеро. Это уже Хакасия. Внешне водоём на троечку с минусом, глазу не за то зацепиться. Голые берега, травой поросшие, ни кустика, ни деревца, ни кусочка песчаного пляжа. Тем не менее – большой лужей оскорбительно назвать. Каким бы ты богатырём ни был, переплунуть или перебросить камень с одного берега на другой не получится. И всё же у случайно заехавшего путешественника картина озёрной глади и водного простора не захватит дух, не бросится он с трясуцимися руками доставать фотоаппарат. Скорее всего, достанет карту в поисках более привлекательного места – края-то озёрные. И – ура! – обнаружит под боком, в каких-то шестидесяти километрах настоящий водоём – озеро Беле. Даже на плоской карте видно – не дождевая лужа. И всё же не стоит путешественнику сходу разворачивать автомобиль на Беле. Мал перед ним золотник – да не подделка.

Озеро Тус, о нём речь, издавна пользовалось у местного населения повышенным интересом во всех своих проявлениях – соль, грязь, вода. И вообще... В Мёртвом море на Священной земле можно лёжа в воде газетку читать, и в Тусе захочешь, не утонешь. Хоть газету, хоть журнал разворачивай лёжа на воде, коль на берегу чтение надоело. Как в Мёртвом море, так в Тусе не вода, а минерализованный рассол. Жажду не утолишь, зато от ста болезней. Плюс к чудодейственному рассолу грязь целебная. И ещё один плюс к двум вышеназванным. Мёртвое море без преувеличений мёртвое – ни единого живого организма, в Тусе мириады малюсеньких, что те дафнии, рачков артемия. Озеро кишит ими. В любом месте зачерпни воды в ладошку и любуйся. Отжив своё, рачки выпадают в осадок на пользу грязи и воде, а кроме того, касаясь человеческого тела, испускают микроимпульсы на благо нервной системы.

Египетская царица Клеопатра про Тус не слышала, она успешно омолаживалась солями и грязями Мертвого моря. Современные царицы (а какая женщина не считает себя царицей?) не хуже Клеопатры прибегают ко всяческим ухищрениям, тормозя процесс увядания красоты. Валерия Евгеньевна и мать Ангелины решили сыграть на этом. Приблизить Тус с его чудодей-

ственной грязью к Клеопатрам нашего дня. Царицы, как известно, по провинциям не обретаются, исключительно столичный товар, значит, открывать косметический салон омолаживания следует в Москве или Санкт-Петербурге. Питер оставили на второй этап завоевания рынка, для начала постановили развернуться в Москве.

Даже название салона придумали компаньонки – «Клеопатра-Тус».

Мать Анжелины воспламенилась идеей. Авантюризма ей было ни занимать, как, собственно, и Валерии Евгеньевне. Где та Москва с её царицами и где то озеро с его грязями и рачками? По прямой три тысячи километров с гаком. Да гак – сто пятьдесят. Но ведь не на лошадах трястись, доставляя грязь и воду с артемией в Москву.

Ангелина берёт кредит, мать нанимает машину, едет на Тус, набирает двести литров воды, пятидесятилитровую ёмкость грязи, доставляет это богатство до ближайшей железнодорожной станции, а оттуда везёт на поезде в Москву для проведения разведки боем. Нет помещения под «Клеопатру-Тус» – не беда, нет разрешения на открытие косметического салона – ерунда, зато есть грязь – залог будущей прибыли. К ней всё приложится.

Дотошный исследователь мировой истории приведёт немало примеров, когда здоровый авантюризм давал блестящие результаты, вопреки убийственного мнения пессимистов: ничего не выйдет. Выходило. Но в нашем случае подобного не произошло. И вовсе не из-за недостаточного градуса риска у женщин. Для открытия салона потребовалось заключение специалистов о составе воды. Экспертиза показала, рачок артемия живёт всего двое суток вне озера, после чего гибнет. Вода и грязь тоже быстро теряют свои целебные свойства вне родного водоёма. То бишь, если Клеопатра захочет омолодиться Тусом, один путь – вперёд на озеро.

Мать Анжелины сообщила эту безрадостную весть компаньонке. Валерия Евгеньевна не поверила.

– Ты меня решила кинуть?! – зло выдохнула в трубку. – Зря! Учти, дорогуша, это тебе даром не пройдёт! Ты меня знаешь!

– Валерия Евгеньевна, ты что?! В мыслях не было...

Телефон ответил злыми гудками.

После того разговора от Валерии Евгеньевны пришла странная эсэмэска. С первого взгляда абракадабра, кроме начальной буквы. Мать по-прежнему жила в Москве. Вылила озёрную воду в унитаз, выбросила грязь на помойку, но в Сибирь не вернулась. В Москве чувствовала себя как рыба в воде, хорошо знала город, ранее приходилось жить в нём. Затеяв проект с салоном, сняла квартиру на пару с женщиной. И не заторопилась домой, потерпев фиаско с идеей грязелечебницей. Решила пока пожить в столице. Ангелина попросила переслать эсэмэску и дала прочитать знакомому программисту.

– Тут какая-то жуть, – сказал тот. – Написано: «Воздастся тебе. Враг тебя сожрёт».

Матери Ангелина не стала говорить. Побоялась – вобьёт себе в голову. Наделялась, Валерия Евгеньевна всего лишь пугает. Хотя поговаривали, с ней лучше не связываться. Были случаи, когда целительницу обманывали с гонораром, а потом жалели о содеянном.

С матерью Ангелина общалась по скайпу. В тот день вид у неё был измождённый, жаловалась на низкое давление. И чай крепкий пила, и кофе, ничего не помогало. О «скорой» слышать не хотела, как ни настаивала Ангелина. Дескать, пройдёт, не первый раз.

На следующий день вечером за Анжелиной заехал на работу брат Артём, подвёз до подъезда.

– Слушай, – попросила Ангелина, прежде чем выходить из машины, – позвони матери, может, у тебя рука лёгкая. Весь день не отвечает. Скорее всего, телефон забыла, а сама мотается...

Артём позвонил. Ангелина услышала, телефон ответил женским голосом:

– Мама, ты чё там... – начал Артём

Затем выражение лица его резко изменилось, он несколько секунд слушал, потом бросил телефон Ангелине на колени, упал головой на руль и произнёс:

– Всё.

После этого у него случился спазм голосовых связок. Мотал головой, вращал глазами, пытаясь что-то сказать. Ангелина заставила брата подняться к ней в квартиру, накапала вальерианы.

Заговорил Артём только на следующий день и то сначала шёпотом.

После того, как Ангелина переговорила с матерью по скайпу, той стало совсем плохо, началось внутреннее кровотечение. Женщина, с которой мать снимала квартиру, звали её Альбина Ивановна, вызвала «скорую», и через пять часов мать скончалась в больнице.

При жизни мать говорила:

– Будет возможность – кремируй меня. Не хочу, чтобы черви ели. Урну с прахом к матери с отцом подхоронишь и лучше не надо!

– Уже хорошо, по ветру не просишь развеять! – не могла промолчать Ангелина.

– Ты слушай меня. Твоя ирония ни к чему! Серьёзно говорю.

– Чтобы ты да по-человечески захотела!

– Геля, сделай, как прошу. Считаю это последней волей усопшего.

– Умирать собралась?

– Нисколько. Но две жизни никому не намерено. Поэтому мотай на ус. Всякое может случиться...

Тема кремации была не минутным порывом, мать поднимала её раза два-три для «мотания на ус». Получилось – другого варианта у Ангелины попросту не было из-за отсутствия денег на транспортировку гроба.

Ангелина оформила все документы, кремацию назначили на воскресенье. В Москве не было ни друзей, ни родственников, ни знакомых. Сделав все дела, почувствовала страшную пустоту. Остаться одной в неудобной с обстановкой общежития однокомнатной квартире было невыносимо. Альбина Ивановна, с которой мать снимала жильё, куда-то ушла. Ангелина вспомнила фразу, услышанную в авиаэкспрессе по дороге из Домодедова в Москву. Рядом сидели две женщины, одна сказала другой: «В субботу пусть камни с неба валятся – пойду на всенощную в храм Христа Спасителя. Патриарх должен служить под Вербное воскресенье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.